

На правах рукописи

РОМАНОВА Оксана Владимировна

**АДРЕСОВАННОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ
ГАЗЕТНОГО ИНТЕРВЬЮ
КАК ЖАНРА ЖУРНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка и стилистики
государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Людмила Михайловна Майданова
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Салимовский Владимир Александрович
- кандидат филологических наук
Соломатов Станислав Иванович
- Ведущая организация:** ГОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет»

Защита состоится «28» октября 2008 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Автореферат разослан «23» июля 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М. А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование функционирования языка в разных сферах общения (функциональная стилистика, дискурсология) неразрывно связано с изучением жанровой формы текста, с изучением отношений между отправителем и получателем речи. В этом плане внимания заслуживает и журналистский дискурс, специфика которого обусловлена массовой природой адресата, функциями СМИ и в котором по-разному реализуются категории автора и адресата. При этом большой интерес представляет газетное интервью, существующее как первичный текст, результат сбора журналистом материала, и как текст, обработанный для представления аудитории в диалогической форме. Данная работа посвящена изучению закономерностей функционирования средств адресованности и интертекстуальности в газетном интервью.

Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к проблеме речевых практик адресанта и адресата в различных сферах общения, к проблеме диалогичности речи и к ее проявлениям в речевых произведениях разных жанров. Обращение к проблеме адресованности и интертекстуальности газетного интервью обусловлено тем, что, несмотря на достаточное количество исследований, посвященных проблеме коммуникативного взаимодействия в рамках устного и письменного общения, не систематизированы виды и способы обращенности интервью к непосредственному собеседнику журналиста и к массовой аудитории; не рассматривалась применительно к этому жанру и специфика интертекста.

Объектом изучения в данном исследовании служит газетное, т. е. письменное, интервью – жанр со своеобразным авторством и своеобразной двойной адресованностью. В его основе лежит устная беседа с интервьюируемым, в которой журналист использует определенные способы воздействия на собеседника для получения информации, предназначенной широкой аудитории – второму адресату. Вместе с тем газетное интервью представляет собой не простое поочередное реплицирование коммуникантов, а также и результат их речевой деятельности в глобальном диалоге (М. М. Бахтин), во взаимодействии с другими текстами, с чужим словом.

Предметом изучения, таким образом, являются особенности газетного интервью, которые отражают адресованность текста участников диалога друг другу, адресованность текста читателю и взаимодействие речи собеседников с широким текстовым фоном (интертекстуальность) и которые

определяются устным характером первичной формы интервью, так как, даже переведенное в письменную форму, интервью сохраняет особенности спонтанного, неподготовленного устного общения.

Цель данного исследования – анализ жанрового проявления диалогичности как фундаментального качества речи на примере газетного интервью.

Цель исследования предопределила следующие **задачи**:

1. Описать специфику газетного интервью как жанра журналистского дискурса, поскольку реализация диалогичности осуществляется за счет дискурсивных практик.

2. Выявить особенности адресованности речи участников интервью друг к другу, поскольку именно эти механизмы позволяют вовлечь в текст информацию для передачи ее широкой аудитории.

3. Выявить средства адресованности речи говорящих читателю, которого необходимо заинтересовать сообщаемой информацией, внушить доверие к ней.

4. Проанализировать вторую сторону диалогичности как фундаментальной речевой категории – взаимодействие создаваемого собеседниками текста с широким контекстом.

5. Описать средства авторизации интертекстуальных включений.

6. Установить функции интертекстуальных включений в газетном интервью.

7. Установить роль интертекстуальных включений в формировании содержания газетного номера.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе газетное интервью рассматривается в плане проблематики журналистского дискурса, дискурсивных практик, которые определяют особенности формирования, построения жанра и особенности его приспособления к потребностям адресата. Адресованность и интертекстуальность жанра интервью рассмотрены как результат дискурсивных практик, т. е. речевых приемов, позволяющих участникам интервью осуществить их коммуникативную деятельность в условиях, определяемых журналистским дискурсом.

Теоретическая значимость исследования заключается в жанровом подходе к анализу диалогичности как фундаментальной речевой категории, что позволяет описать дискурсивные практики реализации данной категории, выявить методику этого описания и создать возможность такого анализа на материале других дискурсов и других жанров. При этом нужно учесть, что интервью – вторичный жанр, а диалогичность подробно была

исследована на материале научного функционального стиля (напр.: М. Н. Кожина) и первичных речевых жанров газеты (напр.: Л. Р. Дускаева). Опыт анализа показал, что избранный в работе подход требует методики, отличной от используемых ранее.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты способны служить основой для дальнейшего изучения адресованности и интертекстуальности речи участников устного и письменного диалога. Материалы могут стать теоретической базой формирования профессиональной компетенции и речевой культуры журналиста и специалиста по связям с общественностью. Основные положения исследования полезно учесть при подготовке курсов лекций, учебных пособий, учебных заданий по стилистике текста, стилистике жанров, при написании курсовых и дипломных работ на факультетах журналистики и факультетах по связям с общественностью.

Материалом исследования послужили тексты газетных интервью, опубликованные в период с 2005 по 2007 гг. в российских общественно-политических газетах «Аргументы и время», «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Известия», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Российская газета», «Современник». Общий объем проанализированного материала составляет 2039 фрагментов, извлеченных из 423 интервью.

Анализировались аналитические и портретные интервью, направленные на освещение актуальных социальных и политических вопросов. Отношения между говорящими в таком общении могут быть охарактеризованы как деловые, но не строго официальные: общаются люди, доверяющие друг другу, одинаково заинтересованные в том, чтобы донести до аудитории важную информацию.

Методологической базой исследования являются основные положения функциональной стилистики (А. Н. Васильева, В. В. Виноградов, К. А. Долинин, М. Н. Кожина, О. А. Крылова, Т. В. Матвеева, В. В. Одинцов, Д. Н. Шмелёв и др.); теории дискурса (Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, П. Серио, М. Фуко, Е. И. Шейгал и др.); теории жанров (М. М. Бахтин, А. Вежбицка, Ст. Гайда, В. В. Дементьев, В. А. Салимовский, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева и др.); теории интертекстуальности (Р. Барт, М. М. Бахтин, Б. М. Гаспаров, Ж. Деррида, Ю. А. Кристева, Ю. М. Лотман, Н. А. Фатеева и др.). Анализ опирается на результаты изучения текстов СМИ (Г. О. Винокур, Л. Р. Дускаева, В. Г. Костомаров, Л. Е. Кройчик, И. П. Лысакова, Л. М. Майданова,

Г. Я. Солганик, А. А. Тертычный, Э. В. Чепкина и др.), в том числе жанра интервью (М. А. Антошинцева, Ю. В. Артемьева, Е. И. Голанова, В. В. Забелин, Е. Ю. Корчагина, Н. Н. Кохтев, В. Д. Пельт, Т. И. Попова, Е. П. Прохоров, Л. В. Ухова, В. Б. Хлопотов, М. С. Черепанов, М. И. Шостак, Н. Л. Шубина, A. Bennett, D. L. M. Bolinger, M. Coulthard, D. Greatbatch, S. Greenbaum, J. Heritage, D.M.Levy, F.Rosenbauer, A L Roth).

Методика анализа. В работе использовался комплекс различных научных методов, включая дискурсивный анализ. При обобщении, систематизации и интерпретации результатов наблюдений применялся описательный метод. Были использованы также элементы контекстуального анализа и общенаучные методы наблюдения, обобщения, сопоставления. В процессе исследования, помимо лингвистических, привлекались общепилологические, лингвокультурологические данные, необходимые для анализа исследуемых единиц.

Основной единицей анализа является реплика диалога. Это, если воспользоваться списком А. Вежбицкой, высказывания главным образом двух речевых жанров: вопроса (формула: «хочу, чтобы ты представил себе, что я не знаю того, что знаешь ты, и что ты хочешь мне это сказать / говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне это сказал») и сообщения (формула: «думаю, что ты не знаешь X / думаю, что ты хотел бы это знать / говорю:... / говорю это, потому что хочу, чтобы ты это знал») (Вежбицка А. Речевые жанры // Социальная психоллингвистика. – М., 2007. С. 242, 246). Реплика рассматривается: 1) изолированно как носитель сигнала адресованности или интертекстуальности; 2) во взаимодействии с ответной репликой как средство развития диалога (выявление функций показателей адресованности и интертекстуальности); 3) во взаимодействии с целым текстом (функции адресованности и интертекстуальности); 4) во взаимодействии с газетным номером (функции интертекстуальности). Дополнительной единицей анализа является вводка. По жанровой принадлежности ее можно охарактеризовать как объявление (формула: «говорю: ... / говорю это, потому что хочу, чтобы все это знали / думаю, что если я скажу это таким образом, то все смогут это знать» – там же: 246).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Журналист как инициатор диалога с помощью средств адресованности устанавливает с собеседником контакт, обеспечивающий условия успешного выполнения цели общения: именованного собеседника сигнализи-

руют о вежливом деловом общении; демонстрация компетентности оправдывает право журналиста на вопрос; характеристики собеседника дают понять, что журналист доверяет интервьюируемому и правильно выбрал его в качестве источника информации; в целом же сигналы оправдывают использование средств активизации речи собеседника.

2. Адресованность речи интервьюируемого журналисту в первую очередь определяется природой ответной реплики на тот или иной тип вопроса. Соответствие или несоответствие ответа типу вопроса обуславливает наличие двух групп средств адресованности, вводящих в текст информацию, ради получения которой и строится весь разговор. Средства активизации речи журналиста подчеркивают включенность интервьюируемого в диалог.

3. Адресованность речи читательской аудитории осуществляется средствами первичного устного и вторичного письменного текста интервью; аудитория, с которой объединяют себя говорящие, может быть недифференцированной и дифференцированной по разным признакам. Объединяя себя с аудиторией, говорящие нередко выстраивают противопоставление «мы – они».

4. Устный характер первичного текста интервью обуславливает специфику интертекстуальных включений: их небольшой объем, допустимость неточного цитирования, введение «осколочных цитат» с помощью метаязыковых средств, широкое использование пересказа, причем пересказываются как монологические, так и диалогические предшествующие тексты (объем интертекстуальных включений последнего типа может быть очень большим). Диалогический характер жанра позволяет включать прецедентные тексты в исполнении «двух голосов».

5. Устный характер первичного текста интервью налагает отпечаток на авторизацию интертекстуальных включений: помимо точного авторства первого, второго и третьего лица, широко используется указание на анонимного обобщенного автора (это четко или нечетко очерченные группы, профессиональные, этнические, и это ссылки на обобщенного носителя мнения, осуществляемые с помощью разных лексических и грамматических средств).

6. Интертекстуальные включения выполняют различные внутритекстовые функции. Журналист с их помощью вводит тему, обосновывает вопрос, во вторичном письменном тексте также формулирует тему, представляет героя. Интервьюируемый с помощью чужого слова оформляет различные

элементы аргументации. Участники интервью могут обсуждать содержание, форму и автора интертекстуального включения.

7. Внетекстовые функции интертекстуальных включений состоят в том, что их содержание обогащает хронотоп и предметно-событийную сторону газетного номера. Говорящие, привлекая чужое слово, дополняют план прошлого, членя его на близкое и далекое, реже они обращаются к настоящему и совсем редко к будущему. В последнем случае это воображаемое высказывание какого-то лица, то, что кто-то может сказать в будущем. Чужое слово обогащает «географию» газетного номера и набор событий, о которых упоминается в номере.

Апробация положений исследования осуществлялась в форме докладов на аспирантских семинарах на кафедре русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии в ноябре 2006 года, а также в форме докладов и сообщений на Всероссийской научной конференции «Система и среда: Язык. Человек. Общество» (Нижний Тагил, НТГСПА, 2005 г.), Всероссийской научной конференции «Система и среда: Язык. Человек. Общество» (Нижний Тагил, НТГСПА, 2007 г.), межвузовской научной конференции «Проблемы культуры речи в современном коммуникативном пространстве» (Нижний Тагил, НТГСПА, 2006 г.). Содержание работы отражено в 7 публикациях, в том числе в учебно-методическом пособии «Публицистические жанры».

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Объем исследования составляет 220 страниц. Список источников состоит из 216 цитированных текстов. Список литературы включает в себя 257 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, формулируются цели и задачи работы, объект и предмет изучения, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, дается описание материала и методов исследования, используемых в данной работе.

Глава I. «Интервью как жанр журналистского дискурса». В первом параграфе «*Функциональный стиль, дискурс и жанр*» показано, как издавна сложившееся в разных национальных традициях различение бытовой речи и литературно обработанного языка с его богатым набором жанровых

форм (античные риторика, К. И. Голыгина, Е. Г. Ковалевская, А. Б. Ковельман, Д. С. Лихачев, М. В. Ломоносов) в XX в. привело к созданию функциональной стилистики, рассматривающей литературный язык как систему функциональных стилей, концентрирующих в себе языковые средства, которые позволяют оформлять жанровые формы, обслуживающие разные сферы общения (А. Н. Васильева, В. В. Виноградов, А. Едличка, М. Н. Кожина, Ю. С. Степанов, Тезисы ПЛК, Д. Н. Шмелев и др.).

Внимание функциональной стилистики к психологическим и социальным аспектам текстотворчества в различных областях общения привело русистику к естественному принятию и дальнейшей разработке идей дискуртологии (Т. А. ван Дейк, П. Серио, М. Фуко). Для реферируемой работы важна идея деятельностного характера дискурса, который рассматривается комплексно – как сама деятельность, как ее субъекты и как условия ее осуществления. Как продукт этой речевой деятельности в концепцию дискурса вводится текст, а следовательно, и жанр (Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, А. Г. Гурочкина, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, М. Ю. Олешков, Е. И. Шейгал и др.). Дискурсивный подход к жанру выдвигает на первый план практики содержательной организации и оформления текста (В. И. Карасик, Э. В. Чепкина).

Во втором параграфе *«Жанр, адресованность и интертекстуальность»* показано, как представлена в русистике концепция первичных и вторичных речевых жанров. Подробно рассматривается разработка этой концепции в трудах М. М. Бахтина, который видит жанры в разновидностях высказываний, то есть единиц общения, сохраняющих целостность за счет тождества субъекта говорения. Это и дает автору возможность называть жанром и отдельную реплику диалога, и пространственный роман. Различия между первичными и вторичными речевыми жанрами возникают в результате их разной связи с непосредственным диалогическим общением, прямой в первом случае и опосредованной во втором. В параграфе рассмотрены различные классификации речевых жанров в современной лингвистике (Н. Д. Арутюнова, А. Г. Баранов, А. Вежбицка, Ст. Гайда, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева и др.).

Исходя из концепции жанров М. М. Бахтина, можно заключить, что любое высказывание оказывается включенным в диалог, простирающийся в прошлое и в будущее, поскольку оно является ответом на предшествующее высказывание и вызывает высказывание ответное. Так в работах М. М. Бахтина возникает идея диалогичности любой речи, которая адресо-

вана тому, кто ответит, и которая, включая в себя элементы предшествующих текстов, откликается на уже сказанное. Таким образом, складывается проблематика адресованности и интертекстуальности, связанная с вопросом об авторе и адресате текстов в разных сферах общения.

В третьем параграфе «*Автор и адресат. Категория диалогичности*» показано, как разрабатывалась в лингвистике проблема автора и адресата текстов разной функциональной принадлежности. От концепции образа автора и образа оратора (М. М. Бахтин, М. П. Брандес, Н. С. Валгина, В. В. Виноградов, М. Я. Дымарский, А. Ф. Папина, В. И. Тюпа, В. Шмид и др.) лингвистическая наука приходит к изучению категории автора в научном и публицистическом текстах (Н. А. Баженова, Л. М. Майданова и др.). Точно так же, отталкиваясь от художественного текста, разрабатывается в филологии категория адресата (Н. Д. Арутюнова, Н. А. Баженова, Б. О. Корман, В. Шмид и др.). С развитием различных концепций автора и адресата связано обращение филологии к проблеме адресованности и интертекстуальности. Идея диалогичности любой речи просматривается уже в характеристике того явления, которое было названо сказом (В. В. Виноградов, Б. М. Эйхенбаум), а позднее на материале не только художественных, но и публицистических текстов получило обозначение «интимизация изложения» (Ю. А. Бельчиков, С. П. Денисова). Обе концепции характеризуют такое построение монолога, при котором создается иллюзия устного высказывания, непосредственно обращенного к здесь и сейчас присутствующему адресату. Так письменный монологический текст превращается в диалог с читателем. Диалогизация монолога рассматривается и на материале других стилей (Л. Р. Дускаева, М. Н. Кожина, Л. В. Славгородская). Уделяется внимание и тому, что автор обращает свой текст не только к адресату, но и к предшествующим текстам, по отношению к которым сам выступает как адресат. Таким образом, адресованность и интертекстуальность как два вида реализации диалогичности речи получили описание на материале текстов разной функциональной принадлежности, хотя и без привязки явлений к определенному жанру.

В параграфе четвертом «*Журналистский дискурс*» рассмотрены особенности текстов СМИ, обусловленные спецификой данной сферы общения. Всеми признаваемый принцип организации языка текстов СМИ, заключающийся в сочетании стандарта и экспрессии (на наличие стандарта указал Г. О. Винокур, подробно проанализировал сочетание стандарта и экспрессии В. Г. Костомаров), связывается с двумя основными функциями

текстов СМИ – информирования и воздействия (А. И. Горшков, О. А. Крылова, И. П. Лысакова, Н. Н. Романова, Г. Я. Солганик, А. В. Филиппов и др.). В реферируемой работе данная сфера общения рассматривается в дискурсивном аспекте, что позволяет говорить о большем числе явлений, чем это допускается функциональной стилистикой. В частности, речь идет о текстах подготовительного этапа работы журналиста – результатах опросов, читательских письмах, первичных интервью, а также о некоторых жанрах, безусловно принадлежащих этому дискурсу, но не поддающихся анализу в рамках функциональной стилистики (например, по-особому включаемые в сетку вещания афоризмы).

Коммуниканты дискурса характеризуются массовостью, причем это касается не только адресата, но и автора, обращающегося к массам не от себя лично, а от лица социальной группы (М. Н. Кожина). Ориентация на массового адресата во многом определяет специфику оформления текстов СМИ, демонстрирующих стремление авторов говорить на языке аудитории, удовлетворять ее информационные потребности. Природа журналистского дискурса проявляется и в особенностях жанра, которому посвящена реферируемая работа.

В пятом параграфе «*Жанр интервью*» дается характеристика этого вида текстов. Интервью существует как первичный текст, являющийся результатом сбора материала журналистом, и как текст вторичный, обработанный журналистом для представления аудитории в исходной диалогической форме (А. П. Горбунов, Г. В. Кузнецов, С. Муратов, Т. И. Попова, Б. Уолтерс, М. И. Шостак и др.). В рамках нашей темы важно особо отметить, что для интервью характерна ведущая в плане развертывания текста роль журналиста: он является инициатором диалога, он определяет ход разговора и завершение общения. Кроме того, именно журналист обозначает границы текста, общается с собеседником, аудиторией. Журналист и его собеседник ведут разговор в интересах широкой аудитории. Таким образом, речь говорящих характеризуется двойной адресованностью – друг другу и массовому (второму) адресату.

Помимо того что интервью поставляют аудитории информацию о событиях и явлениях, они в рамках дискурса выполняют еще одну функцию – вводят в информационное пространство ряд «персонажей», поскольку интервьюируемые разными средствами характеризуются и индивидуализируются. Можно считать, что интервьюирование является одной из практик конструирования персонажей дискурса.

В работе уделено внимание способам взаимодействия журналиста и его собеседника. Как правило, между ними складываются сотруди́ческие отношения, у них нет нужды вступать в спор и открытую конфронтацию. Они кооперируются, чтобы в интересах «второго» адресата – читателя полнее и доступнее осветить обсуждаемую проблему. Журналист адресует своему собеседнику реплики, носящие «запрашивающий» характер. Поскольку интервьюируемый знает об основной интенции инициатора разговора (получить информацию), он «выдает» эту информация в ответ на реплику журналиста. Такое поведение «второго» говорящего целиком определяется дискурсом. Кроме того, иницирующие реплики журналиста в устной беседе нацелены не только на запрос информации, но и на установление с собеседником таких отношений, которые содействовали бы его активному сотрудничеству с ведущим. Отсюда важность средств адресованности, которые использует журналист. Информация обрабатывается и компонуется для широкого адресата, с которым также нужно установить контакт, и для этого тоже привлекаются различные средства адресованности.

И журналист, и его собеседник – это профессионалы в своих областях, владеющие определенной суммой знаний. Они обязательно будут вовлекать в диалог фрагменты содержания текстов, функционирующих в этих областях, а также текстов, составляющих общекультурное наследие. Поэтому в разговоре непременно появляются интертекстуальные включения, вписывающие текущий диалог в сумму знаний, функционирующих сегодня в социуме.

В настоящей работе газетное интервью рассматривается с точки зрения того, как в этом жанре оформляется обращенность текста к непосредственному собеседнику журналиста и к широкой аудитории (адресованность) и как это диалогическое произведение взаимодействует с широким контекстом, т. е. включается в тот глобальный диалог, о котором говорил М. М. Бахтин.

Глава 2. «Адресованность газетного интервью». В первом параграфе *«Диалог, диалогичность и адресованность»* показано, что обращенность речи к адресату осознавалась филологией очень давно (ср.: Аристотель), но только В. Гумбольдт связал такую структуру общения с самой сутью языка, развивающегося лишь в процессе функционирования. В XX веке начала активно развиваться теория диалога (Л. П. Якубинский), а в работах М. М. Бахтина говорится уже о диалогичности любой речи. Современная русистика исследует диалоги и монологи разных сфер общения, а также диалогичность монологической речи (С. Г. Агапова, И. Н. Борисова,

Т. Г. Винокур, Л. Р. Дускаева, М. Н. Кожина, Т. Н. Колокольцева, Г. В. Колшанский, А. К. Михальская, А. Стельмашук, Е. Н. Ширяев и др.).

Диалогичность любой речи усматривается прежде всего в обращенности ее к адресату, т. е. в адресованности (анализируя социальную ценность диалога, философия называет его встречей «я» и «другого» – П. С. Гуревич, образованием «мы» из двух «я» – О. Розеншток-Хюсси). В реферируемой работе рассматривается диалогичность текста, который и в первичном, и во вторичном своем варианте является диалогическим. Как уже говорилось, в основе газетного, т. е. письменного текста интервью лежит устный диалог, и оба варианта подчиняются закономерностям функционирования текстов в сфере СМИ, в частности прагматике журналистского дискурса (Е. И. Голанова, А. А. Тертычный, В. Б. Хлопотов). Журналист должен получить от собеседника интересную для широкой аудитории информацию. Поскольку текст сохраняет свою первичную диалогическую форму, читателю в значительной степени будет открыта «кухня» общения журналиста с собеседником, и это обстоятельство также должно быть использовано в целях того, чтобы аудитория приняла информацию, сообщаемую автором письменного текста и его собеседником в устном разговоре. Таким образом, газетное интервью включает в себя средства адресованности речи двух участников беседы друг другу, а также средства адресованности речи обоим широкой аудитории. Исследовательские разделы второй главы посвящены характеристике этих средств.

Второй параграф *«Адресованность речи журналиста собеседнику»*. Средства адресованности рассмотрены в параграфе с учетом дискурсивных практик. Во-первых, журналист обязан, в соответствии с жанром, обеспечить деловое и вежливое общение. Во-вторых, хотя и в глазах аудитории, и в глазах собеседника журналист облечен правом на инициирование и ведение разговора своим статусом, для воздействия на аудиторию он все-таки должен в разговоре определенным образом обосновать свою позицию, а по отношению к собеседнику он должен оправдать свое положение ведущего. Поэтому интервьюер подает интервьюируемому определенные сигналы, свидетельствующие о компетентности его, интервьюера, в обсуждаемой проблеме и подтверждающие его право на вопрос. Косвенным образом информацию о компетентности ведущего получает и читатель. В-третьих, от журналиста к собеседнику поступают сигналы теперь уже о компетентности этого собеседника. Журналист как бы оправдывает свой выбор источника информации, в известной мере создает его образ, который входит в

ряд других образов «героев», формируемых дискурсом. В-четвертых, обосновав свою позицию в глазах собеседника, журналист обращает к нему свои требования – различные способы активизации его речи. В соответствии со сказанным второй параграф делится на четыре раздела.

2.2.1. В разделе рассмотрены средства обозначения собеседника: имя, местоименное обозначение, название статуса. Например:

«*Валерий Иванович*, насколько остро стоит сегодня проблема сердечно-сосудистых заболеваний в нашей стране?» [Валентина Оберемко. В. Шумаков. «Пересадить мозг возможно, но...» (директор НИИ трансплантологии Валерий Шумаков)];

«*Леша*, вы бы хотели, чтобы ваши трое детей смотрели какое кино?» [Светлана Полякова. Инвестиции в любовь (актер Алексей Серебряков)];

«*Г-н посол*, всего месяц, как вы приступили к работе, но вы уже успели поучаствовать во встрече на высшем уровне. Какое впечатление она на вас произвела?» [Андрей Лебедев. Посол США в России Уильям Джозеф Бернс: «Я буду стараться больше слушать»].

Характер рассмотренных интервью, ориентированных на вежливое, доброжелательное и вместе с тем деловое общение, обеспечивающее большой объем интересной информации, обуславливает обращение чаще всего по имени и отчеству, на «вы», с обозначением статуса. Реже в нашем материале встречаются обращения – уменьшительные имена и местоимение «ты», это, однако, не снижает степени информативности разговора.

2.2.2. В этом разделе рассмотрена обращенная к собеседнику демонстрация компетентности интервьюера. Журналист излагает какие-то сведения об обсуждаемой ситуации (это сигнал «я знаю») и так или иначе требует от собеседника реакции на высказывание (это средство адресованности). В качестве последнего выступает обращение, слова, выражающие неуверенность, сформулированный на основе сказанного вопрос, а в ряде случаев придаваемая высказыванию самим диалогом функция выражения мнения, вслед за чем должно следовать согласие или несогласие.

«*Николай*, это правда, что у балетных артистов вырабатывается условный рефлекс: как только включают яркий свет, надо делать приятное выражение лица?» [Ирина Корнеева. Привет от Пиковой дамы (артист Николай Цискаридзе)];

«*Возникает ощущение*, что год от года катастрофы становятся все более масштабными и ужасающими: цунами в Юго-Восточной Азии, ураган в Новом Орлеане, чудовищные теракты с сотнями жертв, достаточно вспом-

нить Беслан. В этой связи периодически появляются страшилки то про грядущий апокалипсис, то про распад цивилизаций. *А что по этому поводу думаете вы?»* [Татьяна Нетреба. С. Шойгу. За катастрофы дают взятки!];

«– *Казалось бы, проще простого. По закону бечевник – 20-метровая береговая полоса у воды – должен быть свободен, доступ к реке открыт. Но вот на Клязьминском водохранилище в селе Троицком стоит коттеджный поселок “Золотой город”. Нас на берег не пустили. Говорят, что и ваши инспектора не могут попасть туда на проверку – охрана поселка вооружена автоматами.*

– Они в нашу службу за согласованием не обращались» [Вероника Сивкова. Дачи – на «сносях» (руководитель Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Московской области Андрей Бородин)].

2.2.3. В данном разделе рассмотрены обращенные к собеседнику его характеристики журналистом. Реплика при этом снова содержит средство адресованности, снова выступает сигналом осведомленности журналиста, но, кроме этого, описывает собеседника, в первую очередь его профессионализм, талантливость, популярность, что позволяет включить в высказывание также и прямую положительную оценку интервьюируемого:

«Михаил Александрович, вы член двух академий и вас не могут не волновать проблемы будущего этих учреждений. Сейчас ломаются копыя вокруг их статуса, вокруг выборов президентов...» [Ирина Краснопольская. Детский вопрос шести академий (член президиума РАН, первый вице-президент РАМН, академик Михаил Пальцев)];

«Владимир, вы очень разносторонний человек: спорт, кино, музыкальная группа, телепроекты. Поделитесь секретом: откуда время на все находится?» [Ольга Мелкозерова. Жизнь как хобби (Владимир Турчинский)].

2.2.4. В последнем разделе параграфа рассмотрены средства активизации речевой деятельности собеседника. Здесь в полной мере проявляются дискурсивные практики журналиста – инициатора и ведущего диалога. Естественно, что в интервью основным средством развития разговора является вопрос, но поскольку он выступает также и главным стимулятором ответной адресованности, он описывается в следующем параграфе. А здесь обращено внимание на способы подчеркивания вопроса, на фиксацию журналистом различных этапов беседы и на требования журналиста, касающиеся качества ответов.

Как самая важная форма высказывания в устах интервьюера, вопрос снабжается различными подчеркивающими его средствами. Это метаязыковые показатели со смыслом «это вопрос» (типа: хочу спросить, возникает вопрос и т. п.); это осложнение самого вопросительного высказывания сигналами сомнения, усиленного внимания (типа: хотелось бы знать, правильно ли я думаю); это, наконец, различные стимулирующие обозначения речевой и интеллектуальной деятельности собеседника (типа: как вы считаете, скажите, ответьте):

«Я знаю, что *это вопрос* для вас очень болезненный... В какой стадии находится конфликт вокруг строительства нового здания для вашего театра на набережной Шевченко, против которого протестуют жители соседнего дома?» [Юрий Коваленко. Режиссер Петр Фоменко: «Надеюсь, котлован, который роют для нашего театра, не станет нашей братской могилой»];

«*Правильно ли я понимаю*, что водка и книги в нашей стране – это способ приблизиться к Мечте, пусть ненадолго? Оттого и литература у нас всегда была интереснее, чем жизнь, и пьянка как альтернатива реальности» [Сергей Грачев. Б. Акунин: «Я осуществил национальную мечту»];

«*Как вы полагаете*, интерес к выставке будет высокий?» [Константин Крейн. Художник Михаил Шемякин: «К восклицательному “Россия!” я поставил бы еще и вопросительный – “Россия?!”»].

Журналист сигнализирует собеседнику о ходе разговора (итак, вернемся к уже сказанному и т. п.):

«*Возвращаясь к необходимости повышать правосознание населения* – где главные резервы?» [Павел Дульман. Право знать (глава Конституционного суда Валерий Зорькин)].

Журналист может потребовать от собеседника уточнения или дополнения ответа, развития мысли и т. п.:

«*Означают ли ваши слова* о борьбе с сепаратизмом, что Москва и Пекин могут оказать друг другу поддержку в случае выступлений сепаратистов, например, в Китае? Или в Москве?» [Андрей Лебедев. Начальник Генерального штаба Юрий Балухевский: «Китай заинтересован в поставках российского оружия»].

В третьем параграфе «*Адресованность речи интервьюируемого журналисту*» рассмотрены ответные реакции интервьюируемого на стимулирующие реплики журналиста. Прежде всего это стандартные и нестандартные ответы на разные типы вопросов и иных стимулирующих высказываний журналиста. Кроме того, интервьюируемый, как и журналист, может

использовать средства, активизирующие речь адресата. Отсюда три раздела данного параграфа.

2.3.1. В разделе описаны стандартные реакции на что-вопросы, ли-вопросы и реплики-мнения, которые представляют собой основные разновидности высказываний журналиста в интервью. Отвечая на что-вопрос, интервьюируемый заполняет смысловую лауну, обозначенную вопросительным словом. Ответом на ли-вопрос является утверждение или отрицание. Реплика-мнение вызывает ответное согласие или несогласие. Это нормативные ответы, если учитывать грамматическую природу высказываний. Но в интервью стимулирующие реплики инициатора диалога призваны породить не только грамматически правильный ответ. Они являются средством, позволяющим «втянуть» в текст информацию, ради получения которой и предпринята беседа. Поэтому в работе показывается, как ответ на вопрос вовлекает в текст детализацию, обоснование, уточнение и другие осложнения ответной реплики, что и является той информацией, которую запрашивает журналист (схематично это выглядит так: на что-вопрос «Что произошло?» следует стандартная реакция «Произошло крушение». Далее названное событие детализируется; на ли-вопрос «Можно ли так оценить событие?» следует стандартная реакция «Можно» с дальнейшим обоснованием утверждения). Приведем пример ответа на реплику-мнение:

«Да, у нас все зависит от политической ситуации, от того, кто сидит в “императорском” кресле.

– И потому у нас все время надо быть отважным. Сегодня вы отважный, потому что вы, предположим, за Сахарова. Завтра вы отважный, потому что вы против. И так далее. У нас не терпят толерантности. Мы до сих пор не вышли из сталинской шинели – из “кто не с нами, тот против нас”. Мы до сих пор не можем поверить, что убеждения надо опровергать словами и совсем не обязательно за них преследовать» [Николай Зятьков. Эдвард Радзинский: «В России опасно начинать реформы. Еще опаснее их останавливать»].

Отвечающий не формулирует прямо свое согласие с мнением («правильно», «это так», «вы правы» и т. п.). Он начинает формулировать следствия из той ситуации, которую нарисовал журналист.

2.3.2. В разделе описаны нестандартные реакции на стимулирующую реплику журналиста. Это, например, встречный вопрос, требование уточнить вопрос, требование подсказки, ограничение темы, завершение реплики

журналиста. Приведем в качестве иллюстрации эмоциональную оценку вопроса журналиста (оцениваться могут и содержание, и форма):

«– Что помогает парить по жизни? Фамилия? Усы? Характер?

– *Это лихо!* Насчет парить по жизни» [Игорь Изгаршев. Леонид Якубович: «Парю по жизни с гирями на ногах»].

2.3.3. Как и журналист, интервьюируемый может себе позволить разными способами стимулировать речевую деятельность собеседника. В данном разделе как раз и описываются эти средства. Интервьюируемый может фиксировать речевые действия журналиста, иногда в противопоставлении своим собственным:

«Не знаю, может, я не права, но *вы мне задали вопрос* и потому я вам *отвечаю*, как я думаю» [Юлия Владимирова. Майя Плисецкая: «Я никому не подчиняюсь»].

Нередко говорящий призывает журналиста к речевым или ментальным действиям, которые могут быть и совместными (т. е. не только «скажите», «представьте», но и «давайте поговорим», «давайте подумаем»):

«*Не стесняйтесь, задавайте любые вопросы:* жена, дети или отец ли я ребенка Мэтта Дэймона?!» [Галя Галкина. Режиссер Джордж Клуни: «Сходить с девушкой в кино – лучшее, что можно сделать на свидании»];

«Ну, я же не с бухты-барухты все это придумал. *Давайте посмотрим* предысторию вопроса» [Дмитрий Писаренко. Полярная Атлантида (докт. философ. наук Валерий Демин)].

Таким образом, обращенность речи интервьюируемого к собеседнику не ограничивается только откликом на вопрос. Партнер активно оценивает и даже стимулирует речевую деятельность журналиста.

Четвертый параграф «**Адресованность текста интервью читательской аудитории**» включает в себе описание средств, которые используют оба участника интервью, чтобы сигнализировать о том, что их беседа предназначена для широкой аудитории. Учитывая, что газетное интервью – это письменный текст, восходящий к устному диалогу, мы рассматриваем средства адресованности, использованные собеседниками в первичном тексте, и средства адресованности, привлеченные журналистом при оформлении текста для печати.

2.4.1. В первичном тексте об обращенности речи к широкой аудитории говорят вопросы читателей, положенные журналистом в основу интервью, прямые обращения к читателям, а также различные сигналы того, что участники беседы объединяют себя с читательской аудиторией.

Когда журналист строит интервью на вопросах читателей, он разными способами подчеркивает, что проблема интересует многих. Об этом может свидетельствовать, например, география вопросов, специальные количественные характеристики («многих волнует», «вопрос, который задают сразу несколько читателей», «читатель из Калуги», «вопрос из Москвы» и т. п.).

Прямые обращения к аудитории может использовать интервьюируемый («Я хочу поблагодарить читателей»). Кроме того, интервьюируемый иногда ограничивает аудиторию, которой адресует сообщаемые сведения:

«Преподнесите чтение не как тяжкий труд, а как увлекательное занятие. В конце концов, почитайте ребенку вслух, но не бу-бу-бу, а устройте маленький театр: меняйте голоса, подключите мимику, эффектные жесты. Не бойтесь быть смешным!» [Рада Боженко. Конец «казачьей вольнице» (детский психолог Юлия Бородулина)].

Объединение говорящих с аудиторией передается в текстах по-разному. Самое популярное средство – «мы» с конкретизацией и без конкретизации. Если группа «мы» прямого обозначения в тексте не получает, читатель должен вычитывать из контекста, с кем объединил себя говорящий. И тогда адресат волен решать, подключать или не подключать себя к этой группе. Покажем, например, такой случай:

«Теперь вспомним: зачем мы дотируем Украину на 30 млрд долларов в год?» [Виталий Цепляев. П. Бородин: «Европа еще запросится в наш Союз!»].

Под «мы» здесь подразумевается Россия, но не как народ, а как государство – политическая структура, выстраивающая определенные отношения с другим государством. Учитывая, однако, что недружественность начинает уже угрожать и отношениям народов, читатели, вероятно, могут и подключиться к этому «мы».

Если местоимение «мы» включено говорящим в формулировку какой-то закономерности, охват аудитории получается самым широким («народ», «все»):

«Если мы дойдем до того, что перестанет работать главная часть нашего существа – душа (а с таким кино все может быть), то всем нам пиндык, как говорится в одном нашем спектакле» [Сергей Грачев. Трагикомедия Галины Волчек].

Когда обсуждаются проблемы истории, культуры, национального характера, без прямой конкретизации в тексте вычитывается смысл «мы» =

«народ», тем более это происходит тогда, когда говорящие выстраивают в беседе противопоставление «мы» – «они»:

«Мы воспитаны иначе, чем западные граждане. Мы воспитывались на идее, что у каждого должно быть все необходимое» [Николай Зятков. Владимир Якунин: «Государство нанято обществом»].

Конкретизаторы прямо раскрывают смысл, который говорящий вкладывает в местоимение «мы» (в работе показаны различные варианты: «мы» – «Россия», «мы» – «народ», «мы» – «страна», «мы» – «общество», «мы» – «регион», «мы» – «поколение», при этом также может выстраиваться противопоставление «мы» – «они»). Гораздо реже для передачи объединения с аудиторией используются местоимения второго лица в обобщенно-личном значении и другие местоимения и слова с обобщающим значением («все», «каждый», «люди», «человек» – единственное число со значением собирательности).

2.4.2. Во вторичном, письменном тексте интервью журналист использует особый композиционный элемент – вводку, где объясняет читателю повод беседы, представляет собеседника, рисует детали состоявшегося интервью. Отметим случаи, когда журналист разными способами старается пробудить у читателя любопытство, как бы формулирует загадку, которую можно разгадать, только обратившись к тексту интервью:

Вводка: «Критики власти *назвали это сменой курса* и возвратом к плановой советской экономике. Недовольными оказались даже некоторые учителя – почему зарплату повышают не всем. За комментарием мы обратились к руководителю Экспертного управления администрации президента Аркадию Дворковичу» [Вероника Сивкова. Закон пока на стороне олигархов (руководитель Экспертного управления администрации президента Аркадий Дворкович)].

Возникает вопрос: что «это», что произошло?

Вводка: «Отар Иоселиани – человек парадоксальный. В искусстве он максималист, и мало кто может соответствовать его максимам.

Это не значит, что он всегда прав, но *задуматься его парадоксы заставляют*» [Валерий Кичин. В кино пахнет жареным (кинематографист Отар Иоселиани)].

Обещание определенного эффекта от чтения текста («парадоксы заставляют задуматься») направлено на возбуждение интереса к предлагаемому газетой интервью.

Глава 3. «Интертекстуальность газетного интервью». В первом параграфе *«Диалог, диалогичность, интертекстуальность»* показано, что лишь в XX веке со времен античных трактатов (ср.: Дионисий Галикарнасский) известный факт взаимодействия текстов был осознан как глобальный диалог, как отклик, ответ данного текста на что-то ранее сказанное (М. М. Бахтин), на этих идеях сформировалась концепция интертекста (Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.). Утверждение о диалогичности любой речи в этом плане означает, что говорящий не только адресует свое высказывание «другому», но и строит его с опорой на уже существующие тексты, вовлекает часть их содержания в свое речевое произведение. Таким образом, диалогичность проявляется не только как адресованность, но и как интертекстуальность текста. Участники интервью не могут не подчиняться этой закономерности. Каждый из них вовлекает в разговор конкретно-авторские или анонимные голоса на всех этапах складывания текста.

Второй параграф *«Формальные особенности интертекстуальных включений в газетном интервью»* описывает эти единицы в двух аспектах: с точки зрения их формы и объема и с точки зрения их авторизации.

3.2.1. В разделе показано, что оба коммуниканта используют в своей речи точные и неточные цитаты, фрагменты цитат, преобразованные цитаты, пересказ и прецедентные тексты. Точное цитирование характерно для вводов, т. е. сопровождает лишь оформление письменного текста интервью. В первичном, устном тексте цитаты отличаются небольшим объемом и допускают неточную передачу, хотя в ряде случаев можно предположить, что чужое высказывание было зачитано (в телеинтервью такие сцены можно наблюдать на экране). Как показывает наш материал, осколочные цитаты вводятся с помощью метаязыковых средств («про таких говорил Вознесенский», «У Немировича есть такая формулировка» и под.) и используются редко. Нечасто прибегают говорящие и к преобразованию цитат, видимо, потому, что интервью рассмотренного типа вообще не отличаются яркой экспрессивностью.

Участники интервью могут пересказывать чужие тексты, как монологические, так и диалогические. Например, в беседе с Василием Аксеновым интервьюер эмоционально передает основную идею романа «Редкие земли»:

«В “Редких землях” вы жестко пишете о Москве, которая пожирает молодость, так и вообще всякий возраст, всех подравнивает под единый биз-

нес-день в чаду Садового кольца, и прославляете свой тамарисковый Биарриц» [Ядвига Юферова. Редкая порода].

В форме пересказа может передаваться как бы текст в тексте: последний говорящий сообщает чужие слова, воспроизводящие в свою очередь чужое слово, как это происходит в интервью Елены Яковлевой с Ирэнной Федоровой, рассказывающей о жизненных принципах мужа – Святослава Федорова:

«Ему помогали четыре принципа счастья по Эдгару По. Человек счастлив, когда его любит как можно большее количество людей. Когда любит природу и наслаждается ею. Когда не ждет наград. И когда он каждый день делает что-то новое» [Елена Яковлева. Предашь – я тебя застрелю].

Пересказ диалогического текста, порой весьма пространный, превращает интервью в некую инсценировку (по принципу «он сказал – я ответил»). Прием этот характерен для портретных интервью, когда собеседник журналиста воспроизводит встречи с интересными людьми, в которых он участвовал или которые наблюдал.

Отдельно рассмотрено в разделе использование прецедентных текстов, поскольку их привлечение связано со спецификой сферы СМИ и с диалогической формой рассматриваемых текстов. В сфере СМИ наблюдается периодически возникающая мода на ту или иную цитату: участники интервью эту моду склонны поддерживать. Кроме того, общеизвестное высказывание может исполняться «в два голоса»: один из коммуникантов начал, а другой закончил высказывание. Эти особенности употребления прецедентных текстов в нашем материале отличают их от обыкновенных цитат.

3.2.2. В этом разделе рассмотрена специфика авторизации интертекстуальных включений в газетном интервью. Авторство, на которое ссылаются говорящие, может быть конкретным и анонимным обобщенным.

В качестве *конкретного автора* в интервью способны выступить все три лица. Во-первых, говорящий очень часто сообщает, что сказал или написал его собеседник, при этом могут быть указаны обстоятельства такого речевого действия:

«В 2004 году, вручая спецприз академии “ТЭФИ” Леониду Парфенову, вы сказали: “История российского телевидения есть борьба за право быть личностью”» [Валерий Выжutowич. Времена не выбирают (Владимир Познер)].

Во-вторых, говорящие активно используют авторство третьего лица. Это может быть конкретная, точно названная реальная личность; конкрет-

ная личность, имя которой не называется; литературный герой, персонаж кинофильма и т. п. Поскольку говорящие часто инсценируют прошлые события, носитель «чужого голоса» может оказаться героем такой сценки:

«Раневская как-то сказала, что из театра ушел трепет»; «Мария Владимировна Миронова на некоем светском мероприятии как-то сказала мне: вот что обидно – помрешь, будут называть великой, а оттуда-то ответить не сможешь» [Марина Давыдова. Евгений Стеблов: «Сейчас все друг друга великими называют. Это же стыдно»];

«У одного из ваших персонажей, Дорна, есть фраза: “Прежде были могучие дубы, а теперь мы видим одни только пни”» [там же];

«Однажды был я на Волге. Возил меня на “газике” прораб. Я спросил: “А что ты русских не берешь в бригаду?” Он ответил: “А невыгодно. Тут надо все подсчитать с карандашом. Приезжий белорус хочет скорее сделать дело, получить деньги и уехать к семье. Он заинтересован вкалывать. А наш, с которым я в одной деревне вырос, станет волынить – то у тетки именины, требовать рупь на опохмелку, а то и вообще исчезнет...”» [Владимир Кожемякин. Игры с совестью (кинорежиссер Алексей Герман)].

В-третьих, отмечается самоцитирование, т. е. говорящий ссылается на то, что он ранее сказал или написал:

«Кто-то тогда острил, что у редакторов вкуса нет. Я говорил: “У них есть вкус. Как только они видят сильную строку, они ее сразу вычеркивают”» [Наталья Кочеткова. Поэт Наум Коржавин: «Я больше не мог слышать голос советского диктора»].

Анонимное обобщенное авторство высказывания говорящий может либо приписывать какой-то группе (профессиональной, этнической), либо выдавать его за общее мнение, за то, что известно всем.

Ссылки на мнение различных групп многообразны. Чаще всего говорящие цитируют прессу («ваша газета писала», «так писала о вас западная печать», «судя по сообщениям СМИ», «как пишет “Лос-Анджелес таймс”» и т. п.), но фиксируются мнения и других групп («по данным социологов», «циничные ученые шутят», «специалисты и журналисты обратили внимание», «американские власти часто критикуют Россию», «как говорят индусы», «у России среди англичан образ неотесанного грубияна», «как говорится в одной польской поговорке»). Любят журналисты ссылаться на «простого человека» («простые люди иногда считают», «простые граждане боятся», «какой-нибудь обыватель наверняка возмущается», «человек на кухне думает»).

Обобщенный носитель мнения обозначается средствами двух групп. Во-первых, говорящие используют сигналы самостоятельно существующего авторства («многие считают», «кто-то убежден», «вы считаетесь мастером», «были заявления», «бытует мнение», «в обществе принято считать» и т. п.). Во-вторых, авторство интертекстуального включения вводится через посредство воспринимающей стороны, которая слышала, знает, помнит о бытовании какого-то суждения или даже, зная о нем, запрашивает подтверждение («мы и сейчас слышим эти разговоры», «ходят слухи», «приходилось слышать», «известно», «верны ли слухи?»).

В третьем параграфе *«Внутритекстовые функции интертекстуальных включений в газетном интервью»* рассматривается, как используют чужое слово журналист и его собеседник. Интервьюер привлекает интертекстуальные включения и в первичный, и во вторичный текст. «Устные» включения ведущий использует на разных этапах диалога для введения темы, для обоснования вопроса или даже для его формулировки:

«В этом году цены на зерно ведут себя вопреки логике: в разгар страды зерно дорожает. Это радует крестьян, но в этом видится вызов нашей способности понимать рынок и управлять им. *Многие видят причины в крупных экспортных контрактах*, но разве их не было раньше?» [Евгений Арсюхин. Семь лет для министра – не дистанция (глава Минсельхоза Алексей Гордеев)].

«Письменные» включения используются во вводках и заголовках, где представляют тему, героя, какую-то интересную мысль из последующего текста.

Собеседники журналиста привлекают чужое слово для формулировки тезиса или аргумента, в инсценированном изложении прошлых событий.

Специально рассмотрены в работе случаи, когда чужое слово оказывается как бы «между двумя говорящими». В ответ на интертекстуальное включение, использованное одним говорящим, второй может высказать согласие или несогласие именно с чужим словом, может оценить форму чужого слова, а то и его автора:

«– Георгий Валентинович, рассматриваемый закон уже вызвал целую серию скандалов. Сергей Лисовский, сенатор от Курганской области и владелец подмосковных птицефабрик, заявил, что законопроект означает “по сути отделение Калининграда от России”. А через несколько дней добавил, что через Калининград в Россию контрабандно поставляется иностранное

куриное мясо. Как вы будете реагировать на обвинения в “отделении от России”?

– Либо журналист неправильно понял Лисовского, либо неправильно его трактовал. Либо Лисовский в этот день чувствовал себя болезненно и невнятно контролировал свою речь. Потому что поверить, что Лисовский так действительно думает, я не могу. Я много лет знаю его и не считаю его идиотом. Поэтому полагаю, что Лисовскому приписывают то, что он не говорил» [Илья Стулов. Георгий Боос: «Чтобы эта территория оставалась российской, люди должны жить здесь не хуже, чем в Польше»].

В четвертом параграфе *«Внетекстовые функции интертекстуальных включений»* показывается, что чужое слово обогащает содержание газетного номера.

3.4.1. В разделе газетный номер кратко охарактеризован как вторичный текст, определенным образом представляющий структурированную информационную картину дня (или иного небольшого, до недели, отрезка времени). Это текст со своим хронотопом, который центрируется датой номера и географической привязкой издания.

3.4.2. В этом разделе показано, как интертекстуальные включения обогащают темпоральные характеристики содержания газетного номера. Особенно разнообразны средства расширения плана прошлого. Это не только названия временных отрезков («год назад», «не так давно», «недавно» и т. п.), но и обозначения событий, датировка которых известна читателям («ближе к концу войны», «во время украинских президентских выборов»), прецедентные имена, лексические единицы, включающие в свое значение смысл «план прошлого» («покойный Жженов рассказывал», «помню, Масхадов говорил», «вспоминаю слова моего дедушки» и т. п.).

Участники интервью обычно не стремятся к точному обозначению времени. Лишь в единичных случаях фиксируется число, месяц и год «рождения» чужого высказывания, чаще это весьма приблизительные характеристики («помню, лет 20 назад», «в свое время Грибов сказал», «как-то вы сказали», «раз из Ростовской области пришло сообщение» и т. п.).

Различна степень удаленности чужого слова от момента речи участников интервью. Прошлое членится на близкое и далекое. Близость может подчеркиваться («последний ответ мы получили буквально на днях»), а с помощью частицы «еще» любому отрезку времени может быть приписан признак «давно» («как говорил еще Владимир Ильич Ленин», «еще Михаил Ромм предсказал гибель театра», «еще в мае 2006 года на конференции...»).

Несравненно реже говорящие фиксируют бытование чужого слова в настоящем:

«Ведь в наших больницах то и дело приходится слышать: “Ах, какой трудный случай, какой тяжелый больной!”» [Валерий Выжutowич. Сердце на конвейере (кардиохирург Ренат Акчури)].

И совсем редко чужое слово отнесено к плану будущего. Говорящий при этом свое слово приписывает другому в будущем:

«Другими словами, лет через 50 россияне будут работать на одни лекарства. А в ходу будет другая злая шутка: жить вредно – от этого болеют и умирают» [Инна Образцова. Беременным и кормящим матерям – бесплатное питание (профессор Галина Римащевская)].

3.4.3. Интертекстуальные включения являются знаками, символами пространств, информация о которых обогащает «географию» газетного номера. Элементы авторизации обозначают разные пространства в первую очередь за счет прецедентности: имя автора высказывания говорит о стране, народе (как и о времени):

«Оскар Уайльд утверждал, что жизнь подражает искусству гораздо больше, чем искусство подражает жизни» [Сергей Грачев. Трагикомедия Галины Волчек].

Неизвестного читателю автора высказывания журналист или его собеседник характеризуют, причем среди прочих может быть указан и географический признак:

«Алексей Юрьевич, британский обозреватель Марк Штейн в журнале *Spectator* предрек, что Россия “отходит в мир иной” и “вопрос лишь в том, насколько мучительной будет агония”. Мол, “скоро крупнейшая в мире страна превратится в гниющий труп”» [Владимир Кожемякин. Игры с совестью (кинорежиссер Алексей Герман)].

Богатую дополнительно к темам номера пространственную информацию поставляет содержание интертекстуальных включений, касающееся и России в целом, и отдельных ее регионов (часто это как бы вести с мест, попавшие не в подборку заметок, а в интервью):

«Я приезжаю на Тамбовщину, и мне говорят: “Александр Иванович, помогите картошку продать!”» [Мила Пивоварова. Насилие порождает неверие во власть (член думского комитета по безопасности Александр Гуров)].

Если в интертекстуальном включении формулируется некая закономерность, тогда возникает смысл «всегда и везде», без каких-либо временных и пространственных ограничений:

«Родион Щедрин пошутил: “Когда у тебя есть дети, ты живешь, как собака, но умираешь, как человек. А когда нет детей, живешь, как человек, но умираешь, как собака”» [Ольга Шабалинская. Анна Нетребко: «Голос – мое выражение патриотизма»].

3.4.4. В разделе описывается, как интертекстуальные включения обогащают предметно-событийное содержание газетного номера. Наряду с тем, что в большинстве случаев содержание чужого высказывания тематически не выбивается из общего содержания интервью, а через него и номера газеты, отмечаются самые неожиданные предметно-событийные включения:

«Знаете, мне нравится притча о трех нищих, которые повстречались Господу на пути. Господь их спросил: “Что бы вы сделали, если бы нашли кошелек с золотом?” Один нищий сказал: “Я бы взял его себе и разбогател”. Господь ему ответил: “Ты жаден”. Второй сказал: “Я отдал бы его владельцу”. Господь сказал: “Ты глуп, ты мне не интересен”. А третий сказал: “Господи, я не знаю, что я сделаю, когда найду...”» [Оксана Нараленкова. Владимир Стеклов: «Я шагаю в пропасть»].

Таким образом, интертекстуальные высказывания, оставаясь в содержательных рамках номера, расширяют круг звучащих в дискурсе голосов, связанных с разными временами, пространствами и событиями.

В **Заключении** подведены итоги работы и намечены дальнейшие перспективы исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, рекомендованном ВАК:

1. Романова, О. В. Специфика интертекстуальности газетного интервью / О. В. Романова // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 22. – 2007. – № 52. – С. 131–140.

Другие публикации:

2. Романова, О. В. Экспрессивный синтаксис интервью как средство убеждения аудитории / О. В. Романова // Речевая культура в разных сферах общения: Сборник статей сотрудников проблемной лаборатории «Речевая культура в разных сферах общения». Выпуск II / Сост.: Т. С. Кириллова. –

Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2004. – С. 98–102.

3. Романова, О. В. Интервью как речевая модель современности / О. В. Романова // Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Ученые записки. Филологические науки / отв. ред. Н. Е. Букина. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2004. – С. 124–125.

4. Романова, О. В. Диалог в диалоге: диалогическая природа публицистического интервью / О. В. Романова // Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Ученые записки. Филологические науки / отв. ред. Н. Е. Букина. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2005. – С. 87–89.

5. Романова, О. В. Средства выражения диалогичности в публицистическом интервью / О. В. Романова // Проблемы культуры речи в современном коммуникативном пространстве : Материалы межвузовской научной конференции / отв. ред. Т. С. Кириллова. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. – С. 72–78.

6. Романова, О. В. Адресованность газетного интервью / О. В. Романова // Система и среда: Язык. Человек. Общество : Материалы Всероссийской научной конференции, Нижний Тагил, 19–20 апреля 2007 г. / отв. ред. В. П. Конева. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2007. – С. 205–222.

7. Романова, О. В. Публицистические жанры [Текст] / О. В. Романова. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2006. – 89 с.

Подписано в печать 02.07.2008. Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе (офсетная). Бумага для множительных аппаратов. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 103.

Оригинал-макет изготовлен в РИО НТГСПА.

Отдел издательских и множительных систем НТГСПА.

Адрес: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57.